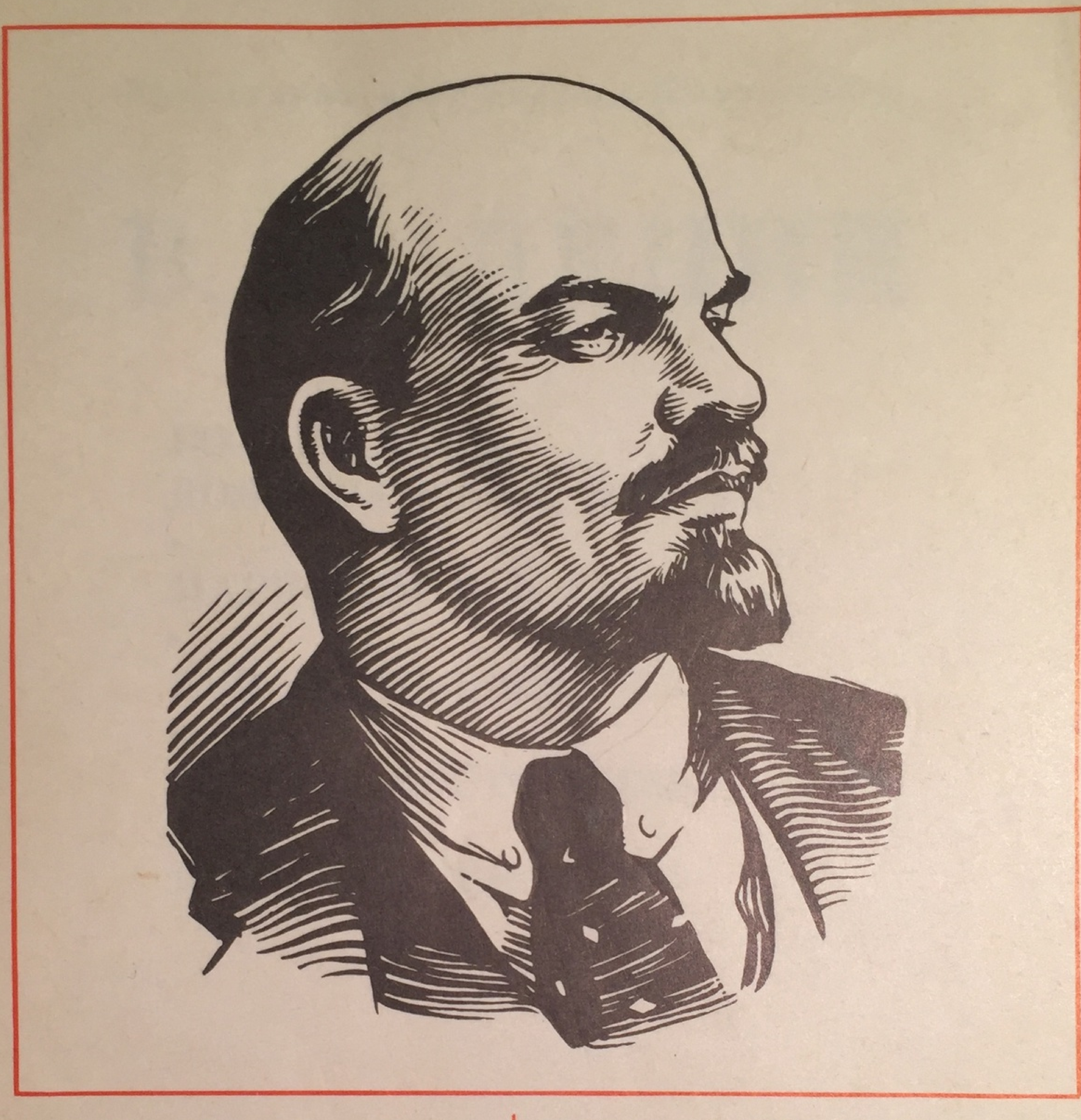

В. И. ЛЕНИН

БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ

•

МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ

•

КРИЗИС НАЗРЕЛ

•

СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО

•

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ЦК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ

•

МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ

•

КРИЗИС НАЗРЕЛ

•

СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО

•

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ЦК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1974

СОДЕРЖАНИЕ

3К23

Б79

Ленин Владимир Ильич.

Б79 Большевики должны взять власть.— Марксизм и восстание.— Кризис назрел.— Советы постороннего.— Письмо членам ЦК. М., Политиздат, 1974.

31 с.

В сентябре — октябре 1917 г. В. И. Ленин пишет Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам партии письмо «Большевики должны взять власть» и письмо Центральному Комитету партии «Марксизм и восстание», статьи «Кризис назрел» и «Советы постороннего», «Письмо членам ЦК», в которых, на основе глубокого и всестороннего анализа внутренней и международной обстановки, выдвигает перед партией на очередь дня подготовку и организацию вооруженного восстания.

Материал брошюры печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Л $\frac{10102-253}{079(02)-74}$ 11—74 3К23+1МИ+3КП1—7+9(С)21

БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ [1]

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, ПЕТРОГРАДСКОМУ И МОСКОВСКОМУ КОМИТЕТАМ РСДРП(б)

Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет.

Большинство народа *за* нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*. Колебания эсеров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое.

Демократическое совещание *не* представляет большинства революционного народа, а *лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи*. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в городские думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

Демократическое совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевистское правительство *одно* удовлетворит крестьянство.

* * *

Почему должны власть взять именно *теперь* большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К⁰ во главе мы помешать *не в силах.*

И Учредительного собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К⁰ всегда *могут сорвать* его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного собрания и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебаний меньшевиков и эсеров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

* * *

Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто *соприкасается* с рабочими и солдатами, с *массами.*

Вопрос в том, что наша партия теперь на Демократическом совещании имеет фактически *свой съезд,* и этот съезд решить *должен* (хочет или не хочет, а должен) *судьбу революции.*

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: *«восстание есть искусство»* [2] и т. д.

* * *

Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет. И Керенский с К° не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания «Демократического совещания» должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы! История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации. Международное положение *именно* теперь, *накануне* сепаратного мира англичан с немцами, *за нас*. Именно теперь предложить мир народам — значит *победить*.

Взяв власть *сразу* и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*.

Н. Ленин

Написано 12—14 (25—27) сентября 1917 г.

Впервые напечатано в 1921 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 2

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 34, стр. 239—241

МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РСДРП(б)

К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими «социалистическими» партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как к искусству, есть «бланкизм».

Вождь оппортунизма, Бернштейн, уже снискал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на йоту не подновляют и не «обогащают» скудные «идеи» Бернштейна, крича о бланкизме.

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством*, сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо *завоевать* первый успех и от успеха идти к успеху, не прекращая *наступления* на врага, пользуясь его растерянностью и т. д., и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно

опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма*.

Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как *к искусству*, значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда *обязательно* для партии признать *восстание* поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями.

3—4 июля можно было, не греша против истины, ставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было.

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано *только* историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда *колебаний*, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо «союзники» стоят во главе всемирного империализма, *заколебался* между войной до победы и

сепаратным миром против России. Наши мелкобуржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т. е. от коалиции, с кадетами.

4) Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти *и к* Керенским, *и к* Церетели — Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины,* могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

За нами большинство *класса,* авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эсеров (и от самих эсеров) *земли не получит.* А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма,* и всего блока меньшевиков с эсерами.

За нами *верная победа,* ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем *предложив* компромисс блокистам и *получив отказ от них* при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что Демократическое совещание *еще* может принять его. Компромисс предлагался *от партии к партиям;* иначе он не мог предлагаться. *Партии* отвергли его. Демократическое совещание есть только *совещание,* ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено *большинство*

революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это совещание *меньшинства народа* — нельзя забывать этой очевидной истины. Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому совещанию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно объявило себя перманентным и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает:* решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами — исключительные выгоды положения, когда *только* наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только* наша победа в восстании даст крестьянству землю немедленно; — когда только *наша* победа в восстании *сорвет* игру с сепаратным миром против революции, сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции.

Только наша партия, наконец, победив в восстании, *может* спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда *мы* становимся «оборонцами», тогда мы становимся *во главе военных партий*, мы будем *самой «военной»* партией, мы поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и *все* сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Ресурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необъятно велики; 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь — это значит уже победить *весь мир*.

* * *

Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами

обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию, как к искусству.

Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они *там* полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими «сепаратный» раздел России англо-французскими империалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки *революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом.*

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой *этого* вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, чем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эсеров и меньшевиков; мы рвем с этими *партиями* окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократией, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть на заводы и в казармы:* там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического совещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, *мы правильно учтем момент для начала восстания.*

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку[3], арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству.*

Н. Ленин

Написано 13—14 (26—27) сентября 1917 г.

Впервые напечатано в 1921 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 2

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 34, стр. 242—247

КРИЗИС НАЗРЕЛ [4]

I

Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции.

Всемирная рабочая революция началась выступлениями одиночек, с беззаветным мужеством представлявших все, что осталось честного от прогнившего официального «социализма», а на деле социал-шовинизма. Либкнехт в Германии, Адлер в Австрии, Маклин в Англии — таковы наиболее известные имена этих героев-одиночек, взявших на себя тяжелую роль предтеч всемирной революции.

Вторым этапом в исторической подготовке этой революции явилось широкое массовое брожение, которое выливалось и в форму раскола официальных партий, и в форму нелегальных изданий, и в форму уличных демонстраций. Усиливался протест против войны — увеличивалось число жертв правительственных преследований. Тюрьмы стран, славившихся своей законностью и даже своей свободой, Германии, Франции, Италии, Англии, стали наполняться десятками и сотнями интернационалистов, противников войны, сторонников рабочей революции.

Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции. Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало *военных восстаний* в Германии [5] — вот несомненные признаки великого перелома, признаки *кануна революции* в мировом масштабе.

Нет сомнения, в Германии были и раньше отдельные случаи мятежа в войсках, но эти случаи были так мелки, так разрознены, так слабы, что их удавалось замять, замолчать — и в этом было главное для пресечения *массовой заразительности* мятежнических действий. Наконец, назрело и такое движение во флоте, когда уже ни замять, ни замолчать его, даже при всех неслыханно разработанных и с невероятным педантизмом соблюденных строгостях германского военно-каторжного режима, *не удалось*.

Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. И так как мы, русские большевики, одни только из всех пролетарских интернационалистов всех стран, пользуемся сравнительно громадной свободой, имеем открытую партию, десятка два газет, имеем на своей стороне столичные Советы рабочих и солдатских депутатов, имеем на своей стороне *большинство* народных масс в революционное время, то к нам поистине можно и должно применить слова: кому много дано, с того много и спросится.

II

В России переломный момент революции несомненен.

В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет *крестьянское восстание*.

Это невероятно, но это факт.

И нас, большевиков, не удивляет этот факт, мы всегда говорили, что правительство пресловутой «коалиции» с буржуазией есть правительство *измены* демократизму и революции, правительство *империалистской* бойни,

правительство *охраны* капиталистов и помещиков *от* народа.

В России, благодаря обману эсерами и меньшевиками, осталось и остается, при республике, во время революции, рядом с Советами, правительство капиталистов и помещиков. Такова горькая и грозная действительность. Чего же удивительного, если в России, при неслыханных бедствиях, причиняемых народу затягиванием империалистской войны и ее последствиями, началось и разрастается крестьянское восстание?

Чего же удивительного, если противники большевиков, вожди *официальной* эсеровской партии, той самой, которая все время «коалицию» поддерживала, той самой, которая до последних дней или до последних недель имела большинство народа на своей стороне, той самой, которая продолжает порицать и травить «новых» эсеров, убедившихся в предательстве интересов крестьянства политикой коалиции,— эти вожди официальной эсеровской партии пишут 29-го сентября в редакционной передовице «Дела Народа», их официального органа:

> «...Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно центральной России... Закон об упорядочении земельных отношений в деревне, давно уже внесенный во Временное правительство и даже прошедший через такое чистилище, как Юридическое совещание, этот закон безнадежно застрял в каких-то канцеляриях... Разве мы не правы, утверждая, что наше республиканское правительство далеко еще не освободилось от старых навыков царского управления, что столыпинская хватка еще сильно дает себя знать в приемах революционных министров».

Так пишут официальные эсеры! Подумайте только: сторонники коалиции *вынуждены* признать, что через семь месяцев революции в крестьянской стране «почти ничего не сделано для уничтожения кабалы» крестьян, закабаления их помещиками! Эти эсеры *вынуждены* назвать *столыпинцами* своего коллегу Керенского и всю его банду министров.

Можно ли найти более красноречивое свидетельство из лагеря наших противников, подтверждающее не только то, что коалиция крахнула, не только то, что официальные эсеры, терпящие Керенского, стали *противонародной, противокрестьянской, контрреволюционной* партией, но и то, что вся русская революция пришла к перелому?

Крестьянское восстание в крестьянской стране против правительства Керенского, эсера, Никитина и Гвоздева, меньшевиков, и других министров, представителей капитала и помещичьих интересов! Подавление этого восстания *военными мерами* республиканского правительства.

Можно ли быть еще перед лицом таких фактов добросовестным сторонником пролетариата и отрицать, что кризис назрел, что революция переживает величайший перелом, что победа правительства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины?

III

Ясно само собою, что, если в крестьянской стране, после семи месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к *последней черте*.

Это ясно само собою. Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения.

Но все симптомы указывают, наоборот, именно на то, что общенациональный кризис назрел.

После аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, особенно для мелкобуржуазных масс населения, национальный вопрос. И мы видим, что на «Демократическом» совещании, подтасованном господином Церетели и К°,

«национальная» курия по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам и стоя *выше* курии Советов рабочих и солдатских депутатов по проценту голосов, поданных *против* коалиции (40 из 55). Из Финляндии правительство Керенского, правительство подавления крестьянского восстания, выводит революционные войска, чтобы подкрепить реакционную финскую буржуазию. На Украине конфликты украинцев вообще и украинских войск в частности с правительством все учащаются.

Возьмем далее армию, которая в военное время имеет исключительно важное значение во всей государственной жизни. Мы видели полный *откол* от правительства финляндских войск и Балтийского флота. Мы видим показание офицера Дубасова, небольшевика, который говорит от имени всего фронта и говорит революционнее всех большевиков, что солдаты больше воевать не будут[6]. Мы видим правительственные донесения о том, что настроение солдат «нервное», что за «порядок» (т. е. за участие этих войск в подавлении крестьянского восстания) ручаться нельзя. Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат четырнадцать тысяч голосуют за большевиков.

Это голосование на выборах в районные думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении. Что Москва более Питера мелкобуржуазна, это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый.

И вот в Москве голоса эсеров и меньшевиков с 70 процентов в июне падают до 18 процентов. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны. Кадеты усилились с 17 процентов до 30 процентов, но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эсеров и «правых» меньшевиков. А «Русские Ведомости»[7] говорят,

что *абсолютное* число голосов за кадетов понизилось с *67* до *62* тысяч. Только у большевиков число голосов возросло с 34 тысяч до 82 тысяч. Они получили 47 процентов всего числа голосов. Что вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и *в стране*, в этом ни тени сомнения быть не может.

А к числу симптомов, имеющих не только симптоматическое, но и весьма реальное значение, надо отнести еще тот, что имеющие гигантское общеэкономическое и общеполитическое и военное значение армии железнодорожников и почтовых служащих продолжают быть в остром конфликте с правительством [8], причем даже меньшевики-оборонцы недовольны «своим» министром Никитиным, а официальные эсеры называют Керенского и К° «столыпинцами». Не ясно ли, что такая «поддержка» правительства меньшевиками и эсерами имеет, если имеет, только отрицательное значение?

IV

. . . .

V

Да, вожди Центрального Исполнительного Комитета ведут правильную тактику защиты буржуазии и помещиков. И нет ни малейшего сомнения, что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в съезд Советов и в созыв Учредительного собрания, «ожидания» съезда Советов и т. п.,— нет сомнения, что такие большевики оказались бы *жалкими изменниками* пролетарскому делу.

Они были бы изменниками ему, ибо они предали бы своим поведением немецких революционных рабочих, начавших восстание во флоте. При таких условиях «ждать» съезда Советов и т. п. есть *измена интернационализму*, измена делу международной социалистической революции.

Ибо интернационализм состоит не в фразах, не в выражении солидарности, не в резолюциях, а в *деле*.

Большевики были бы изменниками *крестьянству,* ибо терпеть подавление крестьянского восстания правительством, которое *даже* «Дело Народа» сравнивает с столыпинцами, значит *губить* всю революцию, губить ее навсегда и бесповоротно. Кричат об анархии и о росте равнодушия масс: еще бы массам не быть равнодушными к выборам, если крестьянство *доведено до восстания,* а так называемая «революционная демократия» терпеливо сносит военное подавление его!!

Большевики оказались бы изменниками демократии и свободе, ибо снести подавление крестьянского восстания в такой момент *значит* дать подделать выборы в Учредительное собрание *совершенно так же* — и еще хуже, грубее — как подделали «Демократическое совещание» и «предпарламент».

Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту.

Кризис назрел...

29 сентября 1917.

До этого места можно напечатать, а продолжение для *раздачи* членам *ЦК, ПК, МК* и *Советов.*

VI

Что же делать? Надо aussprechen was ist, «сказать, что есть», признать правду, что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *побороть* это течение или мнение [9].

Иначе большевики *опозорили* себя навеки и *сошли на нет,* как партия.

Ибо пропускать такой момент и «ждать» съезда Советов есть *полный идиотизм* или *полная измена.*

Полная измена немецким рабочим. Не ждать же нам *начала* их революции!! Тогда и Либерданы будут за

«поддержку» ее. Но она *не может* начаться, пока Керенский, Кишкин и К° у власти.

Полная измена крестьянству. Имея оба *столичных* Совета, дать подавить восстание крестьян значит *потерять* и *заслуженно потерять* всякое доверие крестьян, значит сравняться в глазах крестьян с Либерданами и прочими мерзавцами.

«Ждать» съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно (и политически и технически: соберут казаков ко дню глупеньким образом «назначенного» * восстания).

«Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд **ничего не даст,** *ничего не может дать!*

«Моральное» значение? Удивительно!! «Значение» резолюций и разговоров с Либерданами, когда мы знаем, что Советы *за* крестьян и что крестьянское восстание *подавляют!!* Мы сведем этим *Советы* до роли жалких болтунов. Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд.

Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам: 1) мы можем ** (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку: долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков! 3) мы в большинстве *в стране;* 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и

---

* «Созывать» съезд Советов на 20 октября для решения «взять власть»,— чем же это отличается от «назначения» восстания по-глупому?? Теперь взять власть можно, а 20—29 октября ее вам не дадут взять.

** Что сделала партия для *изучения* расположения войск и проч.? для проведения восстания как «искусства»? — только разговоры в ЦИК и т. п.!!

солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда,— а агитация в *армии* пойдет такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д.

Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3—5 июля, ибо *не пойдут войска* против правительства мира. Если даже у Керенского *уже* есть «верная» кавалерия и т. п. в Питере, то при ударе с двух сторон и при сочувствии армии *к нам* Керенский будет вынужден *сдаться*. Если даже при таких шансах, как теперь, не брать власти, тогда все разговоры о власти Советам превращаются в *ложь*.

Не взять власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК, ограничиться «борьбой за орган» (Совета), «борьбой за съезд» значит *погубить революцию*.

Видя, что ЦК оставил *даже без ответа* мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный Орган *вычеркивает* из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т. д. и т. д.— видя это, я должен усмотреть тут «тонкий» намек на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта, и на предложение мне удалиться.

Мне приходится *подать прошение о выходе из ЦК*, что̀ я и делаю, и оставить за собой свободу агитации *в низах* партии и на съезде партии.

Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы *губим* революцию.

29/IX.

Н. Ленин

P. S. Целый ряд фактов показал, что *даже* казацкие войска не пойдут против правительства мира! А сколько их? где они? А вся армия разве не отрядит частей *за* нас?

Напечатаны: главы I—III и V 20 (7) октября 1917 г. в газете «Рабочий Путь» № 30; глава VI впервые напечатана в 1924 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 34, стр. 272—283

СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо съезд северных Советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими «Советами постороннего» на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской — это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных, истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отрекаться теперь от вооруженного восстания, значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые

надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное *«восстание, как и война, есть искусство»*.

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *«моральный перевес»*.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость» [10].

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших мат-

росов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, например:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,— такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*.

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы.

Написано 8 (21) октября 1917 г.

Впервые напечатано 7 ноября 1920 г. в газете «Правда» № 250
Подпись: Посторонний

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 34, стр. 382—384

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ЦК [11]

Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет [12] «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять

должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит *спасение революции*, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно.

Написано 24 октября (6 ноября) 1917 г.

Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 34, стр. 435—436

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письма Ленина *«Большевики должны взять власть»* и *«Марксизм и восстание»* обсуждались на заседании ЦК 15 (28) сентября 1917 года. Центральный Комитет принял решение назначить в ближайшее время собрание ЦК, посвященное обсуждению тактических вопросов. На голосование был поставлен вопрос: сохранить только один экземпляр ленинских писем. За это предложение голосовало 6 человек, против — 4, воздержалось — 6. Каменев, будучи противником курса партии на социалистическую революцию, внес на заседание ЦК проект резолюции, направленный против предложений В. И. Ленина об организации вооруженного восстания. Центральный Комитет отверг резолюцию Каменева (см. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918», 1958, стр. 55).— *3*.

[2] См. «Революция и контрреволюция в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 100).

Работа «Революция и контрреволюция в Германии» была написана Ф. Энгельсом и опубликована в 1851—1852 годах серией статей в газете «New-York Daily Tribune» за подписью Маркса, который первоначально собирался написать это произведение сам, но, занятый экономическими исследованиями, передал работу над статьями Энгельсу. При написании этого произведения Энгельс постоянно советовался с Марксом, а также давал ему на просмотр статьи перед отправкой их в печать. Только позднее в связи с опубликованием переписки между Марксом и Энгельсом стало известно, что работа эта была написана Энгельсом.— *4*.

[3] *Александринка* — Александринский театр в Петрограде, в котором заседало Демократическое совещание.

Петропавловка — Петропавловская крепость, расположенная напротив Зимнего дворца, на другом берегу Невы. При царизме в ней содержались политические заключенные. Петропавловская крепость имела громадный арсенал и являлась важным стратегическим пунктом Петрограда. В настоящее время — историко-революционный музей.— *11.*

[4] Статья *«Кризис назрел»* была написана Лениным в Выборге. Она состояла из шести глав, причем последняя, шестая глава, предназначалась не для печати, а «для *р а з д а ч и* членам *Ц К, П К, М К* и *С о в е т о в*». Сохранилась рукопись лишь двух последних — V и VI глав этой статьи. В газете «Рабочий Путь» № 30 от 20 (7) октября 1917 года, где впервые публиковалась статья, были напечатаны не пять, а четыре главы статьи. Одна из глав при публикации была опущена. Пятая глава статьи публиковалась как четвертая, что установлено при сопоставлении текста газеты с рукописью пятой главы.

Статья «Кризис назрел» была широко опубликована в периодической большевистской печати. Она была перепечатана в газетах «Социал-Демократ» (Москва), «Пролетарское Дело» (Кронштадт), «Буревестник» (Минск), «Пролетарская Правда» (Тула), «Вперед» (Уфа), «Бакинский Рабочий», «Уральский Рабочий», «Красноярский Рабочий» и др.— *12.*

[5] В. И. Ленин имеет в виду происходившие в августе 1917 года революционные выступления матросов германского флота. Выступлением руководила революционная матросская организация, насчитывавшая к концу июля 1917 года четыре тысячи человек. Во главе организации стояли матросы Макс Рейхпич и Альбин Кебис с корабля «Фридрих Великий». Организацией было принято решение бороться за демократический мир и готовить восстание. В начале августа во флоте начались открытые выступления. Матросы линейного корабля «Принцрегент Луитпольд», находившегося в Вильгельмсхафене, самовольно сошли на берег, чтобы бороться за освобождение своих товарищей, арестованных ранее за забастовку; 16 августа на корабле «Вестфалия» кочегары отказались от работы. Одновременно восстал экипаж крейсера «Нюрнберг», находившийся в море. Движение среди матросов распространилось на корабли нескольких эскадр в Вильгельмсхафене. Революционные выступления в германском флоте были жестоко подавлены. Руководители движения Рейхпич и Кебис были расстреляны, остальные матросы — активные участники движения приговорены к каторжным работам на длительные сроки.— *13.*

[6] Имеется в виду выступление на заседании Петроградского Совета, происходившем 21 сентября (4 октября) 1917 года, приехавшего с фронта офицера Дубасова. В своем выступлении Дубасов заявил: «Что бы вы здесь ни говорили,— солдаты больше воевать не будут».— *16.*

[7] *«Русские Ведомости»* — газета, выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции. С 1905 года газета являлась органом правого крыла партии кадетов. Ленин отмечал, что «Русские Ведомости» своеобразно сочетали «*правый* кадетизм с народническим налетом» (Полн. собр. соч., том 23, стр. 193). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами.— *16.*

[8] Ленин имеет в виду всероссийскую забастовку железнодорожных рабочих и служащих, требовавших повышения заработной платы. Забастовка по всей сети железных дорог страны началась в ночь с 23 на 24 сентября (с 6 на 7 октября) 1917 года. Временное правительство забило тревогу. Буржуазная печать повела травлю бастовавших железнодорожников.

Вопрос о железнодорожной забастовке обсуждался на заседании Центрального Комитета РСДРП(б) 24 сентября (7 октября). В воззвании «На помощь железнодорожникам», опубликованном в газете «Рабочий Путь», ЦК РСДРП(б), разоблачая контрреволюционную политику Временного правительства, призывал весь пролетариат окружить железнодорожников атмосферой полного сочувствия, оградить их от травли и провокационных атак контрреволюции, приложить все меры к тому, чтобы железнодорожная забастовка не оказалась изолированной и подавленной. Забастовка закончилась в ночь на 27 сентября (10 октября) 1917 года, после того как Временное правительство частично удовлетворило требования железнодорожников.— *17.*

[9] Речь идет о позиции Каменева, Зиновьева, Троцкого и их сторонников. Каменев и Зиновьев выступали против ленинского плана подготовки вооруженного восстания, доказывая, будто бы рабочий класс России не способен осуществить социалистическую революцию. Они скатились на позицию меньшевиков, отстаивавших буржуазную республику. Троцкий настаивал на отсрочке восстания до созыва II Всероссийского съезда Советов, что на деле означало срыв восстания, так как Временное правительство получало возможность сосредоточить ко дню созыва съезда силы для разгрома выступления.— *18.*

[10] См. Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 100—101).— *23.*

[11] Письмо членам Центрального Комитета РСДРП(б) было написано В. И. Лениным вечером 24 октября (6 ноября). В тот же день поздно вечером Ленин нелегально прибыл в Смольный и взял в свои руки непосредственное руководство вооруженным восстанием.— *25.*

12 *Военно-революционный комитет при Петроградском Совете* был создан 12 (25) октября 1917 года по указанию ЦК партии большевиков. В состав ВРК вошли представители Центрального Комитета партии, Петербургского комитета, Петроградского Совета, фабзавкомов, профсоюзов и военных организаций. Работая под непосредственным руководством ЦК партии, ВРК в теснейшем контакте с большевистской Военной организацией руководил формированием отрядов Красной гвардии и вооружением рабочих. Главной задачей ВРК являлась подготовка вооруженного восстания в соответствии с директивами ЦК большевистской партии. ВРК проводил многостороннюю работу по организации боевых сил для победы Октябрьской социалистической революции. Руководящим ядром ВРК являлся созданный на заседании ЦК 16 (29) октября 1917 года Военно-революционный центр в составе: А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина и М. С. Урицкого. Деятельность этого центра повседневно направлял В. И. Ленин. После победы Октябрьской социалистической революции и образования на II съезде Советов Советского правительства главной задачей Военно-революционного комитета стала борьба с контрреволюцией и охрана революционного порядка. По мере создания и укрепления советского аппарата Военно-революционный комитет свои функции передавал организуемым наркоматам. 5 (18) декабря 1917 года ВРК был ликвидирован.— *25*.

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Ленин.

БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ.

Ответственная за выпуск *Г. П. Шкаренкова*

Технический редактор *А. Г. Виноградова*

Корректоры *Н. С. Березовская, Л. Ф. Цветкова*

Сдано в набор 22 февраля 1974 г. Подписано в печать 25 апреля 1974 г.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 1,68.
Учетно-изд. л. 1,54. Тираж 250 тыс. экз. Заказ № 3281. Цена 4 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

4 коп.

